

грактать нишетъ, а романъ; съ другой стороны, слово „цѣлесообразность“ понятно всякому непредубѣжденному читателю.

— Напримѣръ, вы какъ его поняли?

— По моему, цѣлесообразно то, что справедливо, къ чему и должны стремиться „судьи праведные“. Исходя изъ этого положенія, нельзя не согласиться съ Толстымъ, что поступокъ прокурора, который „всѣми силами старался обвинить несчастнаго мальчика“, былъ въ высшей степени несправедливъ.

— А милосердіе судовъ вы не исключаете изъ законовъ? спросилъ Игнатій Ивановичъ.

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, къ какому разряду „цѣлесообразностей“ должны быть отнесены дѣйствія старыхъ прокуроровъ, которые подобныхъ преступниковъ осуждали бы на казнь? Я хочу сказать, гдѣ больше справедливости,—на сторонѣ-ли старыхъ судовъ, которые, не входя въ детальныя обслѣдованія преступленій, часто казнили совершенно невинныхъ людей, или на сторонѣ новыхъ, которые, какъ извѣстно, принимаютъ во вниманіе всѣ мельчайшія условія жизни преступниковъ, какъ-то: среду, наслѣдственность и и тому подобныя данныя, могущія облегчить тяжесть наказанія.

— Къ сожалѣнію, я опять принужденъ повторить вслѣдъ за Нехлюдовымъ, что на сторонѣ первыхъ больше справедливости и даже на сторонѣ средневѣковыхъ судей, которые, сознавая свое безсиліе добиться правды, поручали тяжущихся „суду Божьему“. Несправедливость современныхъ судовъ тѣмъ особенно преступна, что мы дѣйствительно знакомы со всевозможными высокими теоріями справедливости и милости, о чемъ древніе не имѣли понятія,—мы знакомы, но не дѣлаемъ по теоріи, не приближаемся нисколько къ идеалу справедливости. Мы всѣ знаемъ, напримѣръ, что общество, среда, въ которой мы живемъ, семья, которая насъ воспитываетъ, есть для каждаго изъ насъ въ своемъ родѣ деспотъ. Общество родитъ преступленія и преступниковъ, среда наиболѣе опасна для такихъ лицъ, кои слабы духомъ, не окрѣпили въ добръ, какъ тотъ мальчикъ, котораго „посадили въ тюрьму“, котораго „судили, какъ опасное существо, отъ котораго надо оградить общество“. Въ самомъ дѣлѣ, какой